

Журнал выходил в Москве всего один сезон 1907/08 годов. Он издавался товариществом типографии А. И. Мамонтова. Редактором-издателем был, обозначен П. И. Мамонтов, но фактически еманациями явился для детинцев драматурга, писателя, критика, пестовавшего а наиспо номере под псевдонимом Митов или Дел Зрелище, Сергей Мамонтов (1867—1913), сына того знаменитого Саавы Мамонтова, с чьим именем связаны и Абрамцев, и Мамонтовская детская опера.

Воспитанный в едином духе с М. С. Станиславским, иррацион в юности бок о бок с ним и домашним спутником, Сергей Саавы глубоко уважал, подражал, полюбил своего великого современника. В той жекой усмешке, с которой изображен М. С. в пародии, ощущается искренняя любовь, коренное знание натуры изображаемого, обнаруживающее себя во многих местах, в том числе в дословном цитировании размышлений раисса-ра о фантазии десятилетнего ребенка.

Сцена изображает ререационный зал в павильоне Художественного театра, отделанный в стиле Vieux Chetel —езде четырехугольники и чайки. По стенам — портреты знаменитых людей, начиная с Нерона и кончая Александром Пушкиным.

В глубине неслышимыми шагами сплужат капелланиеры, одетые тирольцами. Между ними иногда появляется великий альтавазил театра с лицом хунхуза и в драгунском мундире. Он брызгает сосисовой водой и зловеще шипит. При его появлении жавя на сцене замриает, тирольцы превращаются в лаяные столбы, портреты знаменитостей бледнеют; чайки поднимают крыльышки, зеркала лопаются.

В окна по временам заглядывают, как призраки без названия, психодат ки, жаждущие лидерств Началова. С улицы доносится дребезжающее извозчичьих пролеток, далекое (на Вол. Дмитровке) завывание трамвая и изредка выстрелы экспонировщиков. На стенах бьются и жужжат осенние мухи. Пахнет нафталином и асфальтом.

ВИШНЕВСКИЙ, оскаля зубы, яводит актера в антрис, построенных ларави. Первые становятся ошущ, вторые одесскую У. всея, особенно у Ниппер, лица пополняют и загорелые.

Став на места, обведенные мелом, актеры и актрисы поют хором. Вишневский дирижирует.

ХОР (на мотив из «Нитущу»).

Всем нам тут
Светлой приют.
Холит нас и берегут!
В здепей тиши
Нам рай души!

ВИШНЕВСКИЙ (благим матом).
Милые, милые товарищи! Кан я рад вас видеть! (Кидается целовать актрис).

ЛУЖСКИЙ. Если б вы знали, как купил себе дачу построил пуховые диваны, куклы больше этой залы, винный погребок. Только вино не приглашу — лучше и не надеяться.

ГРИВУНИН. А я с дьяволом на осле катался каждый день! До сих пор голова трещит, черт подери!

ВИШНЕВСКИЙ. Только вот напрасно вы за лето каблуки отграсиры — опят! начавшись отпихивать прина-жет. Милые, милые товарищи! (Уст режислеря лобзает актера).

КАЧАЛОВ. Странное дело! Селе лето тепло и делал, что спал, и все-таки не выпал. До смерти спать хочется.

ТЕРМАНОВА. Говорят, я за лето стала как две капли воды похожа на Дуэль! Ведь правда? На улице даже шармивники со мной по-итальянски заговаривали...

ВИШНЕВСКИЙ. Типе, типе!

ИДУТ...
(Актеры и актрисы подативаются в повторяют куплет, великий альтаваз пронозително шипит, в залу входит педагогический совет. Впередештекает под руку Станиславский, отпущивший усы, и Немирович, разглаживающий бороду, за ним генерал с лаппасами, во без шпор, дама приятная во всех отношениях и папачки. Все останавливаются спиной к зрителю).

ДАМА ПРИТЯНУЛА ВО ВСЕХ ОТОПНЕНИЯХ. Больно далеко мне до вас! встала. Бултыхалась, бултыхалась в карете, нидя расслапшалась. На улице пахла. Чего толкну бочудничи сморзеть? Умо поведет им от мери!

1-Я ПАПЯШНИК. Теперь бы в самый раз шампанского выпить для почина.

Как известно, в Московском Художественном театре очень любими жанр, получивший название **капустники**. Из этих капустников выросли знаменитые кабаре — **вспомини хотя бы «Летучую мышь»** — и знаменитые актеры. Капустники были придуманы не зря — серьезный театр должен был найти какой-то способ, чтобы не впасть в догматизм, в застой. Лучшим противоядием этому был **смах**.

Недаром и Станиславский, и Немирович-Данченко, и Качалов, и Москвин, и другие актеры Художественного театра с удовольствием играли в капустниках. Они всегда были праздничным сцене и свидетельствовали о ее актуальном зоркости.

Предлагаемые читателям пародии взяты из первого номера еженедельника «Русский артист». Они, мне кажется, вполне относятся к разряду тех вещей, которые хорошо доносят до нас эхо старого Художественного театра. Его нравы, его способность к полнокровной и не стесняющей других жизни.

Олег ЕФРЕМОВ.

В ПОГОНЕ ЗА «СИНЕЙ ПТИЦЕЙ»

НЕЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ГЕНЕРАЛ (вставляя монюкль). Полноте, cher ami! Потерпите. Вечером в Эрмитаже nous allons, nous amiser в notre aise, а теперь вниманье!

КНИПЕР. А я в Константинополе был!

САМАРОВА. Слышали, матушка, слышали! Нечего хвастаться то.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Господа, нам предстоит великая задача мы должны познакомиться человечество с «Птицей синей»!

НЕМИРОВИЧ. «Синей птицей».

Константин Сергеевич!

СТАНИСЛАВСКИЙ. Да, да, с «Синей птицей»... я часто ошибаюсь... Все декораторы актеры.

музыканты, режиссеры...

НЕМИРОВИЧ. Парикмахеры, гримеры, машинисты, буфало...

СТАНИСЛАВСКИЙ. Капельники, суфлеры, билетеры, костюмеры...

НЕМИРОВИЧ. Сторожа и полотеры...

ГРИВУНИН (улыбкаясь)... И с галерки горлодерей!

СТАНИСЛАВСКИЙ. Кого? (Гривунику) Докните! (Гривуник дышит). Организовываю вас отравлен алкоголем! Это надо бросить. Идите и пополняйте свой одолем... или нет... еще лучше! Я где-то прочел, что отырыта такая лечебница... Ивраор... ирмиморый пол! Свет, чистота... Ступайте туда!

НЕМИРОВИЧ (тихо). Это из Горького. Константин Сергеевич.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Все равно, я рассеяв... Итак, господа, все мы должны познакомиться с создателем постановку «Синей птицы» чистым воображением десятилетнего ребенка.

АРТЕМ. Я готов хоть сейчас, у меня большая склонность к детству.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Дети ближе к природе, они способны любить кукол и плачут, когда с ними расстаются. Дети познают жизнь мурьями, цветка, щенка, котенка и других насекомых. Мы должны служить литургии поэта Метерлинка...

ЛИЛИНА. Что такое метерлинка?

ГЕНЕРАЛ (сбрасывая монюкль). Тень! Неужели вы не знаете, дорогая Мария Петровна!

ВИШНЕВСКИЙ (летит обнимать Лилину). Милая, милая Мария Петровна!

ГЕНЕРАЛ. Метерлин родился в Бельгии в семье предводителя дворянства в 1862 году. Трех месяцев отроду он укусил свою кормилицу, и знаменитый Альфонс Кавьяр тогда же предсказал ему блестящую будущность. Во время рожденья в комнате его матери горело три свечки, филин кричал на крыше, а на крестьянах за столом сидело 13 гостей.

ЛИЛИНА. Это очень страшно, я этого не знала.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Милое, милое, ваше превосходительство! (Звучно целует генерала).

СТАНИСЛАВСКИЙ. Итак, господа, учимся с младенцев, у собак, у кошек, у насекомых и подражаем им.

МОСКВИН (Пип!).

НЕМИРОВИЧ. Что вы, Москвин Иван!

МОСКВИН (поднимая руку). Позвольте вкратце.

НЕМИРОВИЧ. Ступайте, Москвин Иван! (Москвин убегает вприпрыжку).

СТАНИСЛАВСКИЙ. Помните еще, что театрально-злейший враг теат-

ра! Все, что театрально — не годится для сцены. Я это говорил вам еще в прошлом сезоне, когда телеграфисты писали декорацию для «Драмы жизни».

ВИШНЕВСКИЙ. Помним, помним! Это было в тот самый вечер, когда у меня в уборной сидела ее светлость герцогиня Ньюфаундлендская и ска зала мне: «Александр Леонидович, вы неподражаемы».

СТАНИСЛАВСКИЙ. Об этом после. Мы не остановимся ни перед какими жертвами и затратами, станем детьми, собаками, крокодилами, микробами, но найдем синюю птицу хотя бы на дне морском!

(За сценой переполох. Слышен шип альтавазил и голос Гзовской: «Пусти те меня! Пусти!» Затем слыш в коротком коричневом платье и черном фартуке бежит со следами на глазах. В дверях гавкающая за Гзовской люди в вицмундирах стараются ворваться и борются с тирольцами).

ГЗОВСКАЯ (с рыданьем). Мне на посла залье пади!

Мне душу отравляет бо-о-о!

Примите Олю, Бога ради.

И дайте маленькую ро-о-о!

Злые дяди хотели меня кунить, обещали фунт конфет и пеницию черз 25 лет! Обещали каждый день катать в карете... Даже вицмундир котика заказать... Только я не хочу, не хочу! Они бляки, они старье! У них в коврилке пахнет плесенью!

А у нас весело, светло, летит чайки в синие птички! Вы сами молитесь и хочу с вами играть.

ЗЛЫЕ ДЯДИ (мрачно). Кто скажет что театр казенный был!

Когда-нибудь завистником презрен-ны!

Змеей, людом, растоптанною активе Песок в пыль трыущую бесидно!

Никто!.. А ныне сами скажем, — мы не

Завистники мы все! Глубоко!

Мучительно являемому. О неби!

Там же справедливо, если полный сбор.

Когда успех всемирный не я нагрпал!

За службу долгу на сцене образцовый.

Не за почительность и законному начальству.

Не за заслуги прошлых родителей ниспослан.

А награждать выскочек нахальных для вицмундира чуждых!.. Горе, горе!

(Уходит со сражением зубнойной).

СТАНИСЛАВСКИЙ (гомогиченно). Устав, что мной омажну зликом.

Не будет даром мне отменен.

Кто к гордости и ослушанию склонен.

Того, как терм, мы вырываем вопи!

Но если ты исполнен смиренности!

К тебе у нас найдется сожаление.

В свой павильон тебя я асе-таки возьму!

Статисткой будешь ты и ученицей.

Вспомнишь же, смотря по овению твоему.

Ты можешь сделаться, пожалуй... синей птицей!

(Гзовская опускается на колени. Станиславский, Немирович, генерал и все папачки ее благословляют).

ВИШНЕВСКИЙ (кидается целовать Гзовскую). Милая, милая Славенка!

АКТЕРЫ И АКТРИСЫ (поют).

Всем нам тут

Святой приют.

Холит нас и берегут!

В здепей тиши

Нам рай души!

1-Я ПАПЯШНИК. Человек! Шампанского!

(Чайки на стенах сияют, знаменитые люди улыбаются в рамках, мухи перестают биться о стекла, даже великий альтаваз пытается изображать на лице улыбку).

(Заканает).

Публикацию подготовила
Т. РЫБАКИНА.

● К. Станиславский и В. Качалов
Шарик В. Ливанова.